

Отрывки из книги “Теория партизана” немецкого юриста, философа и теоретика политологии Карла Шмитта (1888-1985)

Горизонт нашего рассмотрения

Когда я при случае говорю о современных теориях партизана, я должен подчеркнуть для выяснения темы то, что старых теорий партизана в противоположность современным теориям собственно вообще не существует. В классическом праве войны прежнего европейского международного права нет места партизану в современном смысле. Он или – как в войне по династическим причинам 18 века – вид легкого, особенно подвижного, но регулярного отряда, или он как особенно отвратительный преступник стоит просто вне права и *hors la loi*. До тех пор, пока в войне сохранялось еще нечто от представления о дуэли и от рыцарства, по другому и быть не могло.

С введением всеобщей воинской повинности конечно все войны становятся по идее народными войнами, и тогда скоро создаются ситуации, которые для классического права войны являются трудными и часто даже неразрешимыми, как например ситуация более или менее импровизированного *levee en masse*, или добровольческий корпус или «вольные стрелки». Об этом речь впереди. В любом случае, война остается принципиально оберегаемой (*gehegt*), и партизан – вне этого оберегания (*Negung*). Теперь даже его сущностью и его экзистенцией становится то, что он находится вне любого оберегания. Современный партизан не ожидает от врага ни справедливости, ни пощады. Он отвернулся от традиционной вражды прирученной и оберегаемой войны и перешел в область иной, настоящей вражды, которая возрастает путем террора и анти-террора до истребления.

Два рода войны особенно важны в контексте явления партизана и в известном смысле даже родственны с этим явлением: гражданская война и колониальная война. В явлении партизана современности эта взаимосвязь прямо-таки специфична. Классическое европейское международное право вытесняло эти две опасных формы проявления войны и вражды на периферию. Война *jus publicum Europaeum* была межгосударственной войной, которую вела одна регулярная государственная армия с другой. Открытая гражданская война считалась вооруженным восста-

нием, которое подавлялось с помощью осадного положения полицией и отрядами регулярной армии. Колониальная война не ускользнула от внимания военной науки европейских стран – таких, как Англия, Франция и Испания. Но все это не ставило под вопрос регулярную войну государства как классическую модель.

Особо необходимо упомянуть здесь Россию. Русская армия в течение всего 19 века вела многие войны с азиатскими горцами и никогда не ограничивалась исключительно регулярной войной армий, как это делала прусско-немецкая армия. Кроме того, русская история знает автохтонную партизанскую борьбу против наполеоновской армии. Летом 1812 года русские партизаны под военным руководством мешали французской армии в ее продвижении к Москве; осенью и зимой того же года русские крестьяне убивали обратившихся в бегство, замерзших и голодных французов. Все это продолжалось немногим более полугода, но этого оказалось достаточно, чтобы стать историческим событием, имевшим огромное воздействие, правда, больше ввиду политического мифа и его различных толкований, чем из-за его парадигматического воздействия для научной теории войны. Мы должны упомянуть здесь, по меньшей мере, два разных, даже противоположных толкования этой русской партизанской войны 1812 года: одно анархистское, обоснованное Бакуниным и Кропоткиным и ставшее всемирно известным благодаря описаниям в романе Толстого «Война и мир», и большевистское использование в сталинской тактике и стратегии революционной войны.

Толстой не был анархистом типа Бакунина или Кропоткина, но тем большим было его воздействие. Его эпопея «Война и мир» содержит мифообразующей силы больше, чем любая политическая доктрина или любая документированная история. Толстой возвышает русского партизана 1812 года до носителя стихийных сил русской земли, которая сбрасывает с себя знаменитого императора Наполеона вместе с его блестящей армией как надоедливое вредное насекомое. Необразованный, неграмотный мужик у Толстого не только сильнее, но и интеллигентнее, чем все стратеги и тактики, прежде всего интеллигентнее самого великого полководца Наполеона, который становится марионеткой в руках исторического свершения. Сталин подхватил

этот миф коренной национальной партизанской борьбы во время Второй мировой войны с Германией и весьма конкретно поставил его на службу своей коммунистической мировой политике. Это означает существенно новую стадию явления партизана, в начале которой стоит имя Мао Цзэ-дуна.

Уже тридцать лет на обширных территориях Земли происходят ожесточенные партизанские битвы. Они начались уже в 1927 году, перед второй мировой войной, в Китае и в других азиатских странах, которые позже защищались от японского вторжения 1932-1945 годов. Во время второй мировой войны ареной такого рода войн стали Россия, Польша, Балканы, Франция, Албания, Греция и другие территории. После Второй мировой войны партизанская борьба продолжилась в Индокитае, где она была особенно продуктивно организована против французской колониальной армии вьетнамским коммунистическим вождем Хо Ши Мином и победителем Dien Bien Phu, генералом Vo Nguyen Giap, далее в Малайе, на Филиппинах и в Алжире, на Кипре полковником Griwas, и на Кубе Фиделем Кастро и Че Геварой. В настоящее время, в 1962 году, индокитайские страны Лаос и Вьетнам являются территориями партизанской войны, которая ежедневно развивает новые методы победы над врагом и обмана врага. Современная техника поставляет все более мощные вооружения и средства уничтожения, все более совершенные средства передвижения и методы передачи информации, как для партизан, так и для регулярного войска, которое с партизанами борется. В дьявольском круге террора и анти-террора подавление партизана часто является только отражением самой партизанской борьбы, и все снова и снова оказывается правильным старый тезис, который большей частью цитируется как приказ Наполеона генералу Лефевру от 12 сентября 1813 года: с партизаном должно бороться партизанскими методами; *il faut operer en partisan partout ou il y a des partisans*.

Ниже необходимо будет остановиться на некоторых особых вопросах международно-правового юридического нормирования. Основное и так ясно; применение к конкретным ситуациям бурного развития спорно. В последние годы появился впечатляющий документ воли к тотальному сопротивлению, не только воли, но и детального руководства для конкретного исполнения: швейцарское руководство по ведению небольших войн для каждого (*Kleinkriegsanleitung fur jedermann*), изданное швейцарским союзом унтер-офицеров под названием Тотальное соп-

противление и составленное капитаном H. von Dach (2 изд., Biel, 1958). На более чем 180 страницах этот труд дает руководство по активному и пассивному сопротивлению чужому вторжению, с точными указаниями по саботажу, жизни в подполье, о том, как прятать оружие, по организации путчей, уходу от слежки и т. д. Тщательно использованы опыты последних десятилетий. Это современное руководство по ведению войн для каждого содержит указание, что его «сопротивление в высшей степени» придерживается Гаагской конвенции о законах и обычаях войны на суше и четырех Гаагских соглашений 1949 года. Это ясно само собой. Также нетрудно вычислить, как будет реагировать нормальная регулярная армия на практическое использование той инструкции по ведению локальной войны (например, стр.43: бесшумное убийство часового топором), пока она не чувствует себя побежденной.

Слово и понятие партизан

Краткое перечисление некоторых известных имен и событий, которым мы начали первое описание горизонта нашего рассмотрения, позволяет выявить безмерное богатство материала и проблематики. Поэтому необходимо уточнить некоторые признаки и критерии, чтобы обсуждение не стало абстрактным и безграничным. Один такой признак мы назвали в начале нашего изложения, когда исходили из того, что партизан является нерегулярным бойцом. Регулярный характер явления выражается в униформе солдата, которая является чем-то большим, чем профессиональное одеяние, поскольку она демонстрирует господство публичности; наряду с униформой солдат открыто и демонстративно носит оружие. Враждебный солдат в униформе – это настоящая мишень современного партизана.

В качестве следующего признака напрашивается сегодня интенсивная политическая ангажированность, которая характеризует партизана в отличие от других борцов. На интенсивно политический характер партизана нужно указать уже потому, что его необходимо отличать от обычного разбойника и злостного преступника, чьими мотивами является личное обогащение. Этот понятийный критерий политического характера имеет (в точной инверсии) ту же структуру, что и у пирата перед лицом международно-правовых норм ведения войны на море. Понятие пират включает неполитический характер скверного образа жизни, включающего разбой и личную выгоду. Пират обладает, как говорят юристы, *animus furandi*. Партизан воюет на политическом фронте, и именно политический характер

его образа жизни снова возрождает первоначальный смысл слова партизан. Это слово происходит от слова партия и указывает на связь с каким-то образом борющейся, воюющей или политически действующей партией или группой. Такого рода связи с партией особенно сильно проявляются в революционные эпохи.

Революционная война предполагает принадлежность к революционной партии и тотальный охват. Иные группы и союзы, в особенности современное государство уже не могут столь тотально интегрировать своих членов и подданных как революционно борющаяся партия охватывает своих активных борцов. В обширной дискуссии о так называемом тотальном государстве еще не стало окончательно ясно, что сегодня не государство как таковое, но революционная партия как таковая представляет собой настоящую и по сути дела единственную тоталитарную организацию. С точки зрения чисто организационной, в смысле строгого функционирования приказа и подчинения необходимо даже сказать, что иная революционная организация в этом отношении превосходит иное регулярное войско и что в международном праве войны должна возникнуть известная путаница, когда организацию как таковую делают критерием регулярности, как это произошло в Женевских конвенциях от 12 августа 1949 года.

Партизан по-немецки именуется *Parteigänger* (партиец), тот, кто идет с партией, а что это значит конкретно, в разные времена различается, как в отношении партии или фронта, с которым кто-то идет, так и в отношении его сопровождения (*Mitgehens*), примыкания (*Mitlaufens*), боевого товарищества (*Mitkampfens*), и, возможно, товарищества по заключению (*Mitgefangenwerdens*). Существуют партии, ведущие войну, но есть и партии судебного процесса, партии парламентской демократии, партии мнений и партии акций и т.д. В романских языках слово можно употребить как существительное и как прилагательное: на французском языке говорят даже о партизане какого-то мнения; короче говоря, из общего, многозначного обозначения вдруг получается слово большой политической важности. Напрашивается лингвистическая параллель с таким общим словом, как *status*, которое вдруг может означать государство (*Staat*). В эпохи разложения, как в 17 веке во время Тридцатилетней войны, нерегулярный солдат сближается с разбойниками и бродягами; он воюет на свой страх и риск и становится персонажем плутовского романа, как испанский *Picaro Estebanillo* Гонсалеса, который участвовал в битве при Нёрдлингене

(1635) и рассказывает об этом в стиле солдата Швейка. Об этом можно прочитать и у Гримельсхаузена в Симплициусе Симплициссимусе, это можно увидеть на гравюрах и офортах Жака Калло. В 18 веке "*Parteigänger*" принадлежал к пандурам и гусарам и другим видам легких войск, которые как подвижные войска «по отдельности сражаются» и ведут так называемую малую войну, в противоположность медленной большой войне линейных войск. Здесь различие регулярного и нерегулярного мыслится чисто военно-технически и ни в коем случае не равнозначно оппозиции легальный-нелегальный в юридическом смысле международного права и государственного права. В случае современного партизана обе пары противоположностей (регулярно-нерегулярно, легально-нелегально) большей частью стираются и пересекаются.

Подвижность, быстрота и ошеломляющее чередование нападения и отступления, одним словом: повышенная мобильность еще и сегодня – отличительная черта партизана, и этот признак даже еще усиливается благодаря внедрению техники и моторизации. Однако обе противоположности ликвидируются революционной войной, и возникают многочисленные полу- и парарегулярные группы и формирования. Борющийся с оружием в руках партизан всегда остаётся зависимым от сотрудничества с регулярной организацией. Очень настойчиво подчеркивает это боевой соратник Фиделя Кастро на Кубе, Эрнесто Че Гевара. Вследствие этого уже благодаря взаимодействию регулярного и нерегулярного получают некоторые промежуточные ступени. Это происходит и в тех случаях, когда никоим образом не революционное правительство призывает к защите национальной территории от чужого завоевателя. Народная война и малая война здесь переплетаются. В регламенте для подобных войск уже с 16 века существует обозначение партизан. Мы еще познакомимся с двумя важными примерами формального регламентирования народной войны и ландштурма, которые пытаются регламентировать герилью. С другой стороны и чужой завоеватель публикует инструкции о подавлении вражеских партизан. Все нормирования такого рода стоят перед сложной проблемой международно-правового, т.е. законного для обеих сторон регулирования нерегулярного, в отношении признания партизана участником войны и его рассмотрения в качестве военнопленного, и, с другой стороны, соблюдения прав военных оккупационных властей. Мы уже дали понять, что здесь возникают некоторые юридические разногласия. Мы ещё

вернёмся к спору о «вольных стрелках» германо-французской войны 1870-1871 годов, после того, как окинем взором международно-правовое положение (см. ниже).

Тенденция изменения или же упразднения унаследованных понятий – классических понятий, как любят говорить сегодня – всеобща и перед лицом стремительного изменения мира тем более постижима. Не осталось в стороне от этой тенденции и «классическое» (если его можно так назвать) понятие партизана. В очень важной для нашей темы книге «Партизан» Рольфа Шроерса, вышедшей в 1961 году, нелегальный боец движения Сопротивления и активист подполья становится собственно типом партизана. Это такое преобразование понятия, которое ориентировано главным образом на определённые внутри-немецкие ситуации гитлеровской эпохи и именно как таковое заслуживает внимания. Нерегулярность заменена нелегальностью, военная борьба – сопротивлением. Это означает, как мне кажется, далеко идущее перетолкование партизана национальных войн за независимость и недооценку того факта, что и революционизация войны поддерживает военную связь регулярной армии и нерегулярного бойца.

В некоторых случаях перетолкование доходит до всеобщего символа и упразднения понятия. Тогда любой индивидуалист или нонконформист может быть назван партизаном, независимо от того, думает ли он вообще о том, чтобы взять в руки оружие. Как метафора это вполне допустимо; я сам пользовался ею для характеристики духовно-исторических фигур и ситуаций. В переносном смысле «быть человеком – значит быть борцом», и последовательный индивидуалист борется самостоятельно и на свой страх и риск. Тогда он становится сам себе партией. Такого рода упразднения понятий являются заслуживающими внимания знаками времени, которые требуют отдельного исследования. Но для той теории партизана, каковая здесь имеется в виду, должны иметься некоторые критерии, чтобы тема не рассеялась в абстрактной универсальности. Таковыми критериями являются: нерегулярность, повышенная мобильность активного боя и повышенная, усиленная интенсивность политической ангажированности.

Я хотел бы придерживаться ещё одного, четвёртого признака настоящего партизана, признака, который Jover Zamoga обозначил как теллурический характер. Это, несмотря на всю тактическую подвижность и маневренность, важно для принципиально оборонительной ситуации партизана, который изменяет свою сущность, ес-

ли он отождествляет себя с абсолютной агрессивностью идеологии мировой революции или техникстской идеологии. Вполне совпадают с этим критерием две особенно интересных для нас трактовки темы, книга Рольфа Шроерса и диссертация Jurg.H.Schmid о международно-правовом положении партизана. Его обоснование теллурического характера такого явления, как партизан кажется мне необходимым, чтобы в смысле положения в пространстве сделать очевидным оборону, т.е. ограничение вражды и предостеречь от абсолютного требования абстрактной справедливости.

В отношении партизан, которые в 1808/13 годах сражались в Испании, Тироле и в России, это и так ясно. Но и партизанские сражения Второй мировой войны и последующих годов в Индокитае и других странах, связанные с именами Мао Дзэ-дуна, Хо Ши Мина и Фиделя Кастро, дают понимание того факта, что связь с почвой, с автохтонным населением и с географическим своеобразием страны – горы, лес, джунгли или пустыня – остаётся вполне актуальной. Партизан остаётся отделённым не только от пирата, но и от корсара в такой же мере, в какой остаются разделены земля и море как различные элементарные пространства человеческой работы и военного столкновения между народами. Земля и море имеют не только различные способы ведения войны и не только различного рода театры военных действий, но и развили разные понятия о войне, враге и трофеях. Партизан будет представлять специфически земной, сухопутный тип активного борца по крайней мере так долго, сколько будут возможны антиколониальные войны на нашей планете. Теллурический характер партизана ниже будет более отчётливо очерчен в сравнении с фигурами типично морскими в правовом отношении и в разборе пространственного аспекта.

Но и автохтонный партизан аграрного происхождения вовлекается в силовое поле неотразимого, технически-индустриального прогресса. Его мобильность настолько повышается благодаря моторизации, что он оказывается подвержен опасности полностью лишиться какой-либо почвы. Во времена холодной войны он становится техником невидимой борьбы, саботажником и шпионом. Уже во время Второй мировой войны имелись отряды диверсантов с партизанской выучкой. Такой моторизованный партизан утрачивает свой теллурический характер и является только транспортабельным и заменяемым орудием мощного центра, творящего мировую политику, который вводит его в действие для

явной или невидимой войны и, сообразно обстоятельствам, снова отключает. Эта возможность также принадлежит его сегодняшней экзистенции и не должна остаться без внимания в теории партизана.

Этими четырьмя критериями – нерегулярность, повышенная мобильность, интенсивность политической ангажированности, теллурический характер – и со ссылкой на возможные последствия продолжающегося технизирования, индустриализирования и утраты аграрного характера мы, с понятийной точки зрения, описали горизонт нашего рассмотрения. Он простирается от Guerrillero наполеоновской эпохи до хорошо вооружённого партизана современности, от Empecinado через Мао Дзэ-дуна и Хо Ши Мина к Фиделю Кастро. Это большая область, постоянно растущий материал по историографии и военной науке. Мы используем его, насколько он нам доступен, и попробуем получить некоторые научные выводы для теории партизана.

Взгляд на международно-правовое положение.

Партизан воюет нерегулярным образом. Но некоторые категории нерегулярных бойцов уравниваются с регулярными вооружёнными силами и пользуются правами и преимуществами регулярных участников войны. Это означает: их боевые действия не являются противозаконными, и когда они попадают в плен к врагам, то имеют право требовать особого обращения как военнопленные и раненые. Правовой статус нашёл в Гаагском уставе сухопутной войны от 18 октября 1907 года обобщение, которое сегодня признано общепринятым. После Второй мировой войны эта материя получила развитие в четырёх Женевских конвенциях от 12 августа 1949 года, из коих вторая регламентирует участь раненых и больных в сухопутной войне и в морской войне, третья – обращение с военнопленными, а четвёртая – защиту гражданских лиц во время войны. Их ратифицировали многие страны западного мира и восточного блока; с их формулировками согласован и новый американский военный справочник по праву сухопутной войны от 18 июля 1956 года.

Гаагский устав сухопутной войны от 18 октября 1907 года при определённых условиях уравнивал милицию, добровольческие корпуса и боевых товарищей спонтанных народных возмущений с регулярными вооружёнными силами. Позже, при разборе прусских разногласий с партизанством, мы будем упоминать о некоторых трудностях и неясностях этого регулирования. Развитие, приведшее к Женевским конвенциям

1949 года, характеризуется тем, что оно признаёт всё дальше заходящие ослабления до сих пор чисто государственного, европейского международного права. Всё новые категории участников боевых действий считаются теперь участниками войны. И гражданские лица занятой войсками врага области – то есть, собственного района боевых действий партизана, борющегося в тылу вражеских армий, – пользуются теперь большей правовой защитой, чем согласно уставу сухопутной войны 1907 года. Много боевых товарищей, которые до сих пор считались партизанами, теперь уравниваются с регулярными бойцами и имеют их права и преимущества. Они, собственно говоря, не могут больше именоваться партизанами. Однако понятия ещё неясны и колеблются.

Формулировки Женевских конвенций учитывают европейский опыт, но не учитывают партизанские войны Мао Дзэ-дуна и позднейшее развитие современной партизанской войны. В первые годы после даты 1945 ещё не стало ясно то, что осознал и сформулировал такой знаток дела, как Hermann Foertsch: что военные акции после 1945 года приняли партизанский характер, поскольку обладатели атомной бомбы избегали её применения из гуманитарных соображений, а не обладающие ей могли рассчитывать на эти опасения – неожиданное влияние как атомной бомбы, так и гуманитарных соображений. Важные для проблемы партизана понятия Женевских нормирований абстрагированы от определённых ситуаций. Они являются (как говорится в авторитетном и крайне важном, составленном под руководством Jean S. Pictet комментарии Internationalen Roten Kreuzes, Bd.111,1958,S.65) точной ссылкой une reference precise на движения сопротивления Второй мировой войны 1939/45.

Здесь не было намерения фундаментально изменить Гаагский устав сухопутной войны 1907 года. Здесь даже принципиально придерживаются четырёх классических условий для уравнивания с регулярными войсками (ответственные начальники, постоянный твёрдый видимый знак отличия, открытое ношение оружия, соблюдение правил и обычаев права войны). Конвенция о защите гражданского населения должна, правда, иметь силу не только для межгосударственных войн, но и для всех интернациональных вооружённых конфликтов, итак, и для гражданских войн, восстаний и т.д. Но тем самым нужно создать лишь правовое основание для гуманитарных интервенций Интернационального Комитета Красного Креста (и других непартийных орга-

низаций). *Inter arma caritas*. В ст.3 абзац 4 конвенции настоятельно подчёркивается, что правовое положение, *le statut juridique*, конфликтующих партий этим не затрагивается (Pictet, a.a.O., 111, 1955, S.39/40). В межгосударственной войне оккупационные власти занятой войсками области по прежнему сохраняют за собой право давать указание местной полиции этой области поддерживать порядок и подавлять нерегулярные боевые действия, таким образом, преследовать и партизан, «независимо от того, какие идеи их вдохновляют» (Pictet IV, 1956,S.330).

Таким образом, отличие партизана – в смысле нерегулярного, не приравненного к регулярным войскам борца – и сегодня принципиально сохраняется. Партизан в этом смысле не имеет прав и преимуществ участников войны; он преступник согласно общему праву и может быть обезврежен суммарными наказаниями и репрессивными мерами. Это было принципиально признано и на судебных процессах по делам военных преступников после Второй мировой войны, главным образом в приговорах Нюрнбергского процесса против немецких генералов (Jodl, Leeb, List), причём само собой разумеется, что все выходящие за пределы необходимого подавления партизан жестокости, террор, коллективные наказания или даже участие в геноциде, остаются военными преступлениями.

Женевские конвенции расширяют круг лиц, приравненных к регулярным борцам прежде всего тем, что они уравнивают членов «организованного движения сопротивления» и сотрудников милиции и членов добровольческих корпусов и таким образом присваивают им права и преимущества регулярных участников войны. При этом не единожды военная организация недвусмысленно делается условием (ст.13 конвенции о раненых, ст.4 конвенции о военнопленных). Конвенция о защите гражданского населения приравнивает «интернациональные конфликты», которые решаются силой оружия к межгосударственным войнам классического европейского международного права, и затрагивает тем самым ядро типичного для прежнего права войны правового института, *occupatio bellica*. К таким расширениям и ослаблениям, которые здесь могут быть приведены лишь в качестве примеров, прибавляются важные превращения и изменения, которые сами собою следуют из развития современной военной техники и со ссылкой на партизанскую борьбу действуют ещё более интенсивно. Что означает, например, положение об «открытом ношении» оружия для борца сопротивления, которого наставляет выше

цитированное «руководство по ведению партизанской войны» швейцарского союза унтер-офицеров (с.33): «Передвигайся только по ночам и скрывайся днём в лесах!» Или что означает требование повсюду видимого знака отличия в ночном сражении или в сражении с применением дальнобойных орудий современной военной техники? Встаёт много подобных вопросов, когда рассмотрение ведётся с точки зрения проблемы партизана и когда не упускаются из виду ниже выявленные аспекты изменения пространства и технически-индустриального развития.

Защита гражданского населения в занятой военными области многообразна. Оккупационные власти заинтересованы в том, чтобы в занятой их военными области царил покой и порядок. Придерживаются того, что население занятой области обязывается не то чтобы быть верным, но, пожалуй, обязано повиноваться допустимым по праву войны распоряжениям оккупационных властей. Даже служащие – и сама полиция – должны корректно продолжать работать и соответственно этому с ними должны обращаться оккупационные власти. Всё это – с большим трудом уравновешенный, трудный компромисс между интересами оккупационных властей и интересами их военного противника. Партизан опасным образом нарушает этот вид порядка в занятой области. Не только потому, что его настоящий район боевых действий есть область в тылу вражеского фронта, где он выводит из строя транспорт и снабжение, но и, кроме того, если население этой области более или менее поддерживает и прячет его. «Население твой самый большой друг» – значит в только что цитированном «Руководстве по ведению партизанской войны для каждого» (с.28). Тогда защита такого населения потенциально является и защитой партизана. Так становится ясно то, почему в истории развития права войны при обсуждениях Гаагского устава сухопутной войны и его дальнейшего развития всё время происходило типичное группирование, расстановка сил: большие военные державы, то есть потенциальные оккупационные власти, требовали строгого обеспечения порядка в занятой войсками области, в то время, как меньшие государства, опасавшиеся военной оккупации – Бельгия, Швейцария, Люксембург – пытались добиться возможно более полной защиты борцов сопротивления и гражданского населения. И в этом отношении развитие со времен Второй мировой войны привело к новым научным выводам, и ниже выявленный аспект разрушения социальных структур настоятельно предполагает вопрос

о том, могут ли иметься и такие случаи, при которых население испытывает нужду в защите от партизана.

Благодаря Женевским конвенциям 1949 года внутри классического, точно урегулированного и регламентированного правового института *occursio bellica* произошли изменения, последствия которых во многом остаются непредвиденными. Борцы сопротивления, которых раньше трактовали как партизан, уравниваются с регулярными бойцами, если только они организованы. В противоположность интересам оккупационных властей интересы населения занятой области так сильно подчёркиваются, что – по крайней мере, в теории – стало возможным рассматривать любое сопротивление оккупационным властям, в том числе, партизанское сопротивление, если только оно возникает из достойных уважения мотивов, как не иллегальное. С другой стороны, оккупационные власти должны по-прежнему иметь право на репрессивные меры. Партизан в этой ситуации не будет действовать по-настоящему легально, но и не будет действовать по-настоящему нелегально, но будет действовать на свой страх и риск и в этом смысле будет действовать рискованно.

Когда употребляют слово риск и рискованно во всеобщем, не уточнённом смысле, тогда необходимо установить, что в занятой военными врага и насыщенной партизанами области рискованно живёт ни в коем случае не только партизан. Во всеобщем смысле ненадёжности и опасности всё население такой области подвергается большому риску. Служащих, которые соответственно Гаагскому уставу сухопутной войны желают корректно продолжать работать, наступает дополнительный риск в смысле действий и бездействий, и в особенности служащий полиции оказывается в точке пересечения опасных, друг другу противоречащих требований: вражеские оккупационные власти требуют от него повиновения при поддержании безопасности и порядка, которые нарушаются как раз партизаном; собственное национальное государство требует от него верности и после войны привлечёт его к ответственности; население, к которому он принадлежит, ожидает лояльности и солидарности, которая, имея в виду деятельность полицейского служащего, может привести к совершенно противоположным практическим выводам, если полицейский служащий не решится на то, чтобы самому стать партизаном; и, наконец, партизан и оккупант быстро зачислят его в дьявольский круг их репрессий и анти-репрессий. Говоря абстрактно, рискованные действия (или

бездействие) не является специфическим признаком партизана.

Слово рискованно приобретает уточнённый смысл благодаря тому, что рискованно действующий [субъект] действует на свой страх и риск и осознанно смиряется со скверными последствиями своего действия или бездействия, так что он не может жаловаться на несправедливость, если его достигают скверные результаты. С другой стороны он имеет возможность – насколько речь не идёт о противозаконных действиях – компенсировать риск тем, что он заключает договор страхования. Юридической родиной понятия риск, его научно-правовым топосом остаётся страховое право. Человек живёт среди разнообразных опасностей, а дать опасности с юридическим сознанием название риск означает сделать её и затронутого ей застрахованным. В случае партизана это, вероятно, привело бы к провалу нерегулярности и нелегальности его действий, даже если бы были готовы к тому, чтобы в технико-страховочном смысле защитить его от слишком большого риска зачислением в наивысший класс опасности.

Размышление над понятием риска необходимо для таких ситуаций, как война и вражда. У нас это слово введено в международно-правовое учение о войне в книге Josef L. Kunz “Kriegsrecht und Neutralitätsrecht” (1935, S.146, 274). Но там это слово не относится к войне на суше и совсем не относится к партизану. Эти вещи вообще не упоминаются в книге. Если мы не будем вспоминать о страховом праве как о юридической родине понятия риск и забудем неточные и нечёткие употребления этого слова – напр., сравнение с убежавшим пленным, который «рискует» быть застреленным – то обнаружится, что специфически плодотворное в смысле права войны употребление понятия «рискованно» у J. Kunz имеет в виду только морское право войны и типичные для него фигуры и ситуации. Война на море в большой мере экономическая война; в противоположность войне на суше у неё своё собственное пространство и свои собственные понятия о враге и трофеях. Даже улучшение участи раненых в Женевском регулировании августа 1949 года привело к двум, отдельным для земли и моря, конвенциям.

Рискованно в таком специфическом смысле действуют два участника войны на море: нейтральный нарушитель блокады и нейтральный провозчик контрабанды. Со ссылкой на них слово рискованно является чётким и точным. Оба рода участников войны пускаются на «весьма выгодное, но рискованное коммерческое

приключение» (J. Kunz a.a.O., S. 277): они рискуют судном и грузом в случае захвата. При этом они не имеют врага, даже если они сами рассматриваются как враг в смысле международно-правовых норм ведения войны на море. Их социальный идеал – это хороший гешефт. Их поле деятельности – это свободное море. Они не думают о том, чтобы защищать дом, очаг и родину от чужого захватчика, что относится к образу автохтонного партизана. Они заключают также договоры страхования, чтобы компенсировать свой риск, причём тарифы опасности соответственно высоки и приспособляются к меняющимся факторам риска, напр., к затоплению подводной лодкой: очень рискованно, но надёжно и дорого застраховано.

Не должно изымать такое удачное слово как рискованно из понятийного поля морского права войны и растворять его в стирающем все чёткие очертания общем понятии. Для нас, настаивающих на теллурическом характере партизана, это особенно важно. Если раньше я однажды назвал мародёров и пенителей моря начала капитализма «партизанами моря» (*Der Nomos der Erde*, S.145), то сегодня я бы исправил это как терминологическую неточность. Партизан имеет врага и «рискует» совсем в ином смысле, чем нарушитель блокады и провозчик контрабанды. Он рискует не только своей жизнью, как любой регулярный участник войны. Он знает, и не останавливается перед тем, что враг ставит его вне права, вне закона и вне понятия чести.

Это, конечно, делает и революционный боец, который объявляет врага преступником и все понятия врага о праве, законе и чести объявляет идеологическим обманом. Вопреки всем, характерным для Второй мировой войны и послевоенного времени вплоть до сегодняшнего дня соединениям и смешениям обоих видов партизана – оборонительно-автохтонного защитника родины и агрессивного в мировом масштабе, революционного активиста – противоположность сохраняется. Она покоится, как мы увидим, на фундаментально различных понятиях о войне и вражде, которые реализуются в различных видах партизан. Там, где война ведётся с обеих сторон как недискриминационная война одного государства с другим, партизан является периферийной фигурой, которая не взрывает границы войны и не изменяет общую структуру политического процесса. Однако если война ведётся с криминализациями военного противника в целом, если война ведётся, например, как гражданская война классового врага с классовым врагом, если её главная цель – свержение пра-

вительства враждебного государства, тогда революционное действие взрыва криминализации врага сказывается таким образом, что партизан становится истинным героем войны. Он приводит в исполнение смертный приговор преступнику и со своей стороны рискует тем, что его будут рассматривать как преступника или вредителя. Это логика войны *justa causa* без признания *justus hostis*. Благодаря ней революционный партизан становится подлинной центральной фигурой войны.

Однако проблема партизана становится лучшим пробным камнем. Различные виды партизанской войны могут так смешиваться и сливаться в практике сегодняшнего ведения войны, они остаются настолько различными в своих фундаментальных предпосылках, что применительно к ним оправдывает себя критерий группирования на друзей и врагов. Ранее мы напомнили о типичном группировании, которое являлось при подготовке Гаагского устава сухопутной войны: большие военные державы против маленьких нейтральных стран. При обсуждениях Женевских конвенций 1949 года с большим трудом была достигнута компромиссная формула, уравнивающая организованное движение сопротивления и добровольческий корпус. И здесь повторилось типичное группирование, когда речь шла о том, чтобы закрепить опыт Второй мировой войны в международно-правовых нормах. И в этот раз большие военные державы, потенциальные оккупанты, противостояли маленьким, опасющимся оккупации государствам; однако в этот раз со столь же необычной, сколь и симптоматичной модификацией: самая большая сухопутная, континентальная держава мира, самый сильный потенциальный оккупант, Советский Союз, был теперь на стороне маленьких государств.

Богатая материалами и хорошо обоснованная документами работа Jurg H. Schmid “Die volkerrechtliche Stellung der Partisanen im Kriege” (*Zurcher Studien zum Internationalen Recht Nr.23*, Polygraphischer Verlag AG. Zurich, 1956) хочет поставить «под вывеску права» «Ведение герильи гражданскими лицами» – при этом имеются в виду конкретно партизаны Сталина (S.97,157). В этом Schmid видит «квинтэссенцию проблемы партизана» и правовое творческое достижение Женевских конвенций. Schmid хотел бы устранить «определённые раздумья права оккупации», ещё оставшиеся от прежнего понимания оккупационной власти, в особенности, как он говорит, «воспетую обязанность выполнять приказ». Для этой цели он использует учение о

легальных, но рискованных военных действиях, которые он по-новому акцентирует как рискованные, но неиллегальные военные действия. Так он уменьшает риск партизана, которому он за счёт оккупационных властей присуждает возможно больше прав и привилегий. Как он думает избежать логики террора и анти-террора, я не вижу; дело обстоит так, что он просто криминализирует военного врага партизана. Всё это в целом – в высшей степени интересное пересечение двух различных *statuts juridiques*, именно участника войны и гражданского лица, с двумя различными видами современной войны, именно открытой и холодной войны между населением и оккупационными властями, в которой партизан Schmid'a (следуя Мао) принимает участие *a deux mains*. Удивительно только, и здесь заключается истинная поломка оси понятия, что эта деилегализация сталинского партизана за счёт классического международного права одновременно связывается с возвратом к чистой войне государств Portalis-доктрины Руссо, о которой Schmid утверждает, что она только «в своей детской обуви» запрещала гражданскому лицу совершение военных действий

(S.157). Так партизан становится застрахованным.

Четыре Женевских конвенции от 12 августа 1949 года являются плодом гуманного образа мыслей и гуманного развития, которое заслуживает восхищения. Присваивая и врагу не только человечность, но даже законность в смысле признания, они остаются на основе классического международного права и в русле его традиции, причём такое произведение гуманности не является невероятным. Их базисом остаётся государственное ведение войны и построенное на этом оберегание войны, с его ясными различиями войны и мира, военных и гражданских лиц, врага и преступника, войны государств и гражданской войны. Однако давая ослабеть этим существенным различиям или даже ставя их под вопрос, они открывают дверь для такого рода войны, которая осознанно разрушает те ясные отделения одного от другого. Тогда иное осторожно стилизованное компромиссное нормирование предстаёт лишь тонким мостиком над бездной, которая скрывает в себе чреватое большими последствиями преобразование понятий о войне, о враге и о партизанах.